

Лоу И вдруг почувствовал смутную тревогу. В последние годы это предчувствие посещало его часто, и каждый раз оно приносило лишь беды.

На сей раз было особенно нехорошо.

Весь в боли, измождённый, Лоу И с трудом переставлял ноги. С мутной головой он шагнул вперёд и слабым голосом произнёс:

— Я... это я.

Полицейские тут же нахмурились и отрезали ледяным тоном:

— Вы подозреваетесь в краже ценных вещей у одноклассника. Пройдёмте!

Лоу И остолбенел.

— К-краже? Я не...

— Это не вам решать. — Полицейский уже протянул руку, чтобы силой увести его, как вперёд выступил увенчанный славой Ли Чжужан. С озабоченным видом он спросил:

— Дядя полицейский, что случилось? Зачем его уводить? Может, это недоразумение?

Полицейский, видя собравшихся — всех таких уважаемых и богато одетых, — счёл, что просто так уводить человека без объяснений не годится, и спросил:

— Кто здесь Бай Цяньюй?

Бай Цяньюй с недоумением вышел вперёд, за ним — его родители.

— Это я. В чём дело?

Полицейский поднял фотографию.

— Это ваша реликвия?

Бай Цяньюй взглянул на снимок и ахнул:

— Это же вещь, которую мне оставил дед! О чёрт, как она... Неужели ты украл?!

Не договорив, он широко раскрыл глаза и уставился на Лоу И, взгляд его пылал яростью.

Лоу И совершенно опешил. Глаза налились кровью, он залепетал:

— Чт-что...

Вдруг ему вспомнилась одна давняя сцена. Как-то после уроков физкультуры Бай Цяньюй проходил мимо спортплощадки, и Лоу И столкнулся с ним взглядом.

Он невольно следил за ним глазами и заметил, что на земле, где только что прошёл Бай Цяньюй, что-то мелкое и серебристое упало.

Подойдя ближе, он увидел браслет.

Эту цепочку он часто видел на Бай Цяньюе, тот никогда с ней не расставался. Лоу И поднял её,

думая, что нужно будет как-нибудь вернуть.

Но он был застенчив, да и в глубине души не хотел расставаться с единственной вещью, которая хоть как-то связывала его с предметом его обожания. Время шло, возможность сказать, что он «недавно случайно нашёл», упустилась...

А Бай Цяньюй потом не поднимал шума из-за пропажи, и Лоу И решил, что это просто рядовой аксессуар, и оставил его себе...

Муки совести вылились в запись в дневнике: «Я, вопреки совести, присвоил его вещь. Знаю, что это неправильно, но не могу совладать с желанием. Она мне так нравится, что я словно стал другим человеком...».

Не ведающий о том Ли Чжужан, судя по себе, разумеется, сразу заключил: Лоу И украл.

А ему как раз не хватало случая, чтобы окончательно сойтись с Бай Цяньюем. И вот он слышит, как тот сокрушается о потерянной дедовой реликвии.

Сдать своего же друга, чтобы вернуть Бай Цяньюю семейную ценность — да это же подарок судьбы, сама возможность стучится в дверь!

И как раз сегодня здесь и родители Бай, и его собственные. Если сейчас, на глазах у всех, он разрешит дело о пропаже фамильной драгоценности, да ещё сразу после того, как стяжал славу, да ещё и ради справедливости пожертвует другом, с которым бок о бок прошёл больше десяти лет...

Родители Бай наверняка проникнутся благодарностью, признают его, сочтут выдающимся юношей, достойным дружбы с их сыном. Его же родители смогут использовать эту связь, чтобы укрепить отношения с бизнес-империей семьи Бай и навсегда избавиться от страха быть отброшенными.

Лоу И, осознав, что «реликвия» — это та самая цепочка, начал отчаянно оправдываться: «Я не знал, что она такая ценная!» От страха он расплакался, умоляюще снова и снова смотрел на Бай Цяньюя, бормотал извинения. Бай Цяньюй хмурился и молчал, лишь спросил наконец:

— Ты знал, что она моя. Почему не вернул?

Лоу И онемел.

Окружающие зашептались:

— Наверняка знал, что ценная, вот и припрятал.

— Иначе зачем прятать какую-то цепочку?

Полицейский же, держа в руках вырванную страницу, заявил с железной уверенностью:

— Если не знал о ценности, к чему тогда «вопреки совести» и «так нравится»?

Взгляд Лоу И упал на тот листок. Словно ему сзади оглушительно ударили по голове, в ушах зазвенело, сознание помутнело.

Он с воплем схватился за голову и бросился к полицейскому, пытаясь вырвать улику:

— Не смотрите!! Не смотрите!! Отдайте!!

Полицейский грубо оттолкнул его:

— Ещё одно движение — и это нападение на сотрудника! Предупреждаю!

Ли Чжужан с притворным неведением сказал:

— Дядя полицейский, это ведь дневник? Может, там есть какое-то объяснение? Может, стоит посмотреть соседние страницы, вдруг там есть «нюансы»?

Все смотрели на Лоу И, который, рыдая, съёжился на полу. Его вопли были столь душераздирающи, словно загнанного зверя, испускающего предсмертный стон.

Родителям Лоу И было нестерпимо стыдно. Они принялись грубо толкать сына, требуя, чтобы он отдал дневник.

Лоу И, заливаясь слезами, смотрел на Ли Чжужана — того, кто с видом полной участи стоял перед всеми, — взглядом, полным ужаса. Челюсти его были стиснуты, на висках вздулись вены.

Он знал: этот человек не поможет, а лишь добьёт. Стоит ему сказать, что дневник забрал Ли Чжужан, как тот наверняка выдаст что-нибудь ещё более ужасное, совершив разгром.

Крупные слёзы катились по щекам Лоу И.

— Нет дневника... Нету...

Родители Лоу И запаниковали:

— Так ты и вправду украл?! Да ещё и реликвию?!

Отец Лоу И отвесил ему пощёчину. Тот грохнулся на пол, половина лица мгновенно распухла. Указывая на сына дрожащим пальцем, отец кричал в бессильной ярости:

— Негодяй! Как я мог вырастить такого бесчестного, бесстыжего урода?!

Мать Лоу И поспешила отмыть себя и мужа, жалуясь всем скорбным голосом:

— Мы всю жизнь вкалывали, чтобы дать ему лучшее образование, надеялись, что он человеком станет. А он... меркантильным, завистливым вырос!

Лоу И сидел на полу, прикрывая лицо. Всё тело ныло, он не спал вторые сутки, не мог отдохнуть ни секунды. А сейчас его били и били, снаружи и изнутри. Никто не помогал. Никто не верил. Никто не поддерживал. Как и все предыдущие годы — спасения не было.

Он рыдал в отчаянии, вопль вырывался из самой глотки:

— Я виноват?! Это вы меня заставляли! Разве это моя вина?!

Родители Лоу И рявкнули, пытаясь его заткнуть:

— Что ты несёшь?! Я тебе говорил воровать у одноклассников?! Я говорил — учись хорошо! Когда я тебя учил завидовать и соревноваться?! Чего ты хотел — мы бы купили! Зачем воровать?!

Одноклассники перешёптывались:

— Лоу И всегда таким был. Угрюмый, замкнутый, да ещё и подхалим.

— Ага, вечно поддакивает, заискивающая улыбочка — тошно смотреть.

— И вечно вокруг Ли Чжужана и его компании вертится, на побегушках, подлизывается.

— Вечно у других что-то берёт, сам никогда ничего не приносит.

— ...

Эти слова крутились в голове Лоу И. Он хотел отрицать, но мозг отказывался работать, всё спуталось. Он бессвязно бормотал:

— Нет... это не так...

Он выплёскивал всю накопившуюся горечь:

— Это вы заставляли меня дружить с Ли Чжужаном! Мне они не нравились! Я хотел перевестись, а вы не разрешили...

<http://bllate.org/book/16254/1462493>